

А.В. Рубцов

Модернизация: от технологий до идеологии

В видах на модернизацию состав нужных изменений пока не полон. Повестка века для России дополняется по восходящей, но с задержками и рецидивами. Начали с технологий, вышли на экономику, потом затронули институты, меньше политику, вовсе обойдя идеологию, принципы, ценности. Глубину обновления намечают робко, как мелкий вялотекущий ремонт. Такая модернизация если и будет, то опять фрагментарной и поверхностной – исторически слабой, политически обратимой, не спасающей от очередного срыва. Нынешняя попытка решения вековых российских проблем может оказаться последней: сверхдинамичная цивилизация делает отставания необратимыми. Такова теперь цена вопроса, ответственность власти, элит, поколения. Но чтобы делать модернизацию всерьез, начинать надо с *этической* позиции, с политической *эстетики*.

От технологий – к экономике

Первые обновленческие призывы руководства были реакцией на испуг технологического отставания. По умолчанию экономика в актив модернизации не включалась. Мечталось, что технологии сами освежат экономику (сменят «вектор развития» на инновационный). Возможен ли инновационный маневр в этой экономике сам по себе, даже не обсуждалось. Иллюзии скоро рассеялись.

В понимании – но не в жизни! В жизни, наоборот, наращиваются отчаянные эксперименты по врезке хай-тека в старую экономику. Необходимость синхронизации инновационных усилий с разворотом в экономике на деле игнорируется, причем вызывающе, демонстративно! Свою непобедимую мощь демонстрирует знакомый контур с очень положительной обратной связью – великий российский синтез очковтирательства и казнокрадства.

Несколько позже заговорили об экономике знания, но так, будто ее можно «приделать» к существующей экономике сырьевых продаж. Считалось, что большая и легкая сырьевая рента как раз и даст энергию старта для инноваций. Когда не дала, попытались «вручную» воздействовать на бизнес. На обочине этого опыта в непристроенной фронде возник лозунг «принуждения к инновациям». Кроме того, в идеологии прыжка из царства нефти и газа в царство ноу-хау и хай-тека опять выпала «середина»: судьба обычных производств, тема реиндустриализации. А без этого не будет нормальной среды для рождения и освоения инноваций. Их опять запускает не бизнес, а начальство, настроившись на ветер свежих перемен. Инновационные броски опять планируются без подтягивания тылов, минуя восстановление общей технологической культуры. Разрывы социальной ткани лишь освежаются: если «инноватор – это нефтяник сегодня», то в инновационном будущем большая часть населения не нужна, как и в нефтегазовом настоящем. Наконец, стратегическая задача без этой «середины» не решается даже арифметически: инновации и наукоемкий хай-тек лишь отчасти компенсируют провал доходов от экспорта сырья. Такой финансовый баланс модернизации особо важен для России, которую наш соотечественник, выдающийся русский эконом-географ Л.Смирнягин отнес к одиннадцати крупнейшим странам, своими масштабами и положением в мире обреченным на относительную автохтонность.

Реализуемая конструкция перекошена и в таких устоях экономики, как участие государства, структура собственности и контроль. О поддержке малого, частного, независимого, быстрого, вариативного и маневренного говорится – но этот писк тонет в скрежете огромного, государственного, планового, неэффективного и неповоротливого. Символами эпохи становятся проекты, оптимальные для инноваций в злоупотреблениях и тиражирова-

нии ошибок. Страна опять не хочет принять очевидное знание, не заплатив за него своим опытом. И платит как раз инициаторам обреченных проектов, в особо крупных размерах. Чем выше доходность заблуждений, тем их больше.

От экономики – к институтам

Приоритет обновления институциональной среды пока не признан. Приходится повторять: глобализация выводит на первый план конкуренцию институтов (а уже потом товаров и технологий). Конкурентоспособная экономика начинается с конкурентоспособного государства. Опережений не бывает с отсталым управлением, феодальные институты исключают современные отношения, при дурном законодательстве не будет умной экономики. Без обновления институтов начинать инновационный маневр бессмысленно и опасно. Средства уходят в пар, пар – в гудок и подогрев равноприближенных. Ручное управление и привыкание к имитации становятся для власти родом зависимости. В интеллектуальной элите гаснут остатки веры. Это заразительно. Ручное управление проникает уже и в сами институциональные реформы: их тоже начинают делать вручную. Разовая отмена сертификации пищевых продуктов была решением, верным по сути, но не по реализации. Если реформа техрегулирования буксует, сколько тысяч таких «ручных» решений надо принять на самом верху для освобождения экономики (а не отдельной отрасли)? Сколько модернизаций за это время скончается, не начавшись? Насколько усугубится наше отставание? Ошибка становится системной.

Наконец, более нельзя делать вид, будто реформы институциональной среды пройдут мирно, в обстановке душевного взаимопонимания. Сырьевая, распределительная экономика автоматически воспроизводит свою институциональную среду с характерными для нее флюсами регулирования и контроля, паразитарными наростами и монополизмом, бизнесом на административных барьерах, коррупцией на распределении. Но в стране может быть только одна институциональная среда, определенного типа: ориентированная либо на перераспределение, либо на производство, заточенная на инновации либо в деле, либо в дележе. Можно создать заповедник

в Сколково, но из него нельзя будет высовываться в нашу жизнь. Конфликт враждующих институциональных сред – это война за государство.

От институтов – к политике

Плоский экономизм в своей охранительной версии агрессивен: модернизация экономики несовместима с либерализацией в политике («не будет ни того, ни другого»). Технократы, наоборот, политически нейтральны и за рамки экономики не выходят в силу профессиональной ограниченности и обыденных иллюзий, будто эта политика модернизировать экономику может и хочет. А также от желания быть хоть и резкими, но удобными, всегда готовыми. Альянсу политической услужливости с услужливым аполитизмом противостоит понимание, что экономическая модернизация невозможна без политики. Скоро и это станет общим местом. Вульгарный экономизм понятнее, когда напрямую сопоставляют экономику с политикой – минуя институты. Но как только модернизация институтов прописывается отдельной строкой, необходимость изменений в политике становится очевидной. Институты и политика – прямая связка: один стиль и дух, одна «мораль», общий тип отношений. Если наверху «управляемая демократия» пренебрегает Конституцией, то на средних уровнях законом будут манипулировать, а внизу – откровенно нарушать. Казнокрадство и коррупция – прямое продолжение произвола в политике. Это один этос: власть всесильна и безответственна, остальные – быдло. Откаты в экономике – инверсия большого отката в политике – замена почти всенародной прикормки на «лояльность» и согласие с политическим унижением. Страна привыкает получать свое по схеме «за все надо платить». То, что этот большой социальный откат не только политический, но и экономический (люди теряют не только деньги, но и достоинство), массы еще не поняли. И слава богу. А то эту политику уже накрыл бы беспощадный бунт, на этот раз осмысленный.

Сторонники аполитичной модернизации обходят главный вопрос: почему режим модернизацию не начинает, чего ему еще недостает? Отсюда страстные призывы к начальству – **начать мо-**

дернизацию как угодно, хоть по-китайски или по-корейски. Будто только этих стенаний не хватало и голосом можно что-то изменить. В этой политической схеме модернизация невозможна. Все растворяется в декорациях политического театра. Власть ищет в инновациях прежде всего свое приятное отражение, но обретает зримую грубость жизни.

От политики – к идеологии и ценностям

Модернизация политики немыслима без внятной идеологии. Надо начать говорить правильные слова. Если человек уверяет, что готов на дело, но нужные слова сказать стесняется или боится, дела не будет. На самом верху правильные слова уже произносятся, но редко и отрывочно, поперек делам и регулярному дискурсу власти, даже как бы в полемике с остальным политическим речитативом. Но теневая идеология становится проблемой выхода на модернизацию. Конституционный запрет на огосударствление идеологии: а) не реализуется (он предполагает свободный рынок негосударственных идеологий, чего нет); б) нарушается (огосударствление идеологии очевидно, но стыдливо – если не считать всенародных киноэпопей, на которые никто не ходит, и суверенных сочинений на не совсем русском языке).

Идеология – это не только система идей, но и система институтов. У нас этих институтов как бы нет. Однако направляющая длань везде видна, даже с волосами. Но есть институты, идеологичные по самой своей природе. Армия без идеологии разлагается. Школа без идеологии не может даже разлагаться: она автоматически воспроизводит те или иные идейные клише – если не напрямую, то в тональности, в отборе и подаче фактов, даже в экземплификации (оснащении примерами). Жданов говорил, что ему хватило бы задачника по арифметике, чтобы научить правильной идеологии. И школа учит. А вот кто учит школу – остается неясным. Либо ее учат наверху, но в тени, – либо сознание будущих поколений в руках рядовых методистов и составителей учебников, что вряд ли и тоже ужасно.

Идеология есть даже там, где ее нет. Деидеологизация – опасный миф. Либо общество имеет идеологию – либо идеология имеет общество как податливую, нереплексивную массу. В стране тлеет

гражданская война в сфере идеологии. Пожар приглашен дорогой нефтью: рука бойцов делить устала. Но остались взрывоопасные темы и детонаторы к ним. Ситуацию усугубляет разруха в идеологической коммуникации. Дискурс состоит из глухих монологов. Много голосащих, но мало слышащих. Люди не договариваются, а выговариваются – со всеми вытекающими. В высшей точке, в поле ценностей, идеологическая борьба упирается в коллизию авторитарной и либеральной моделей модернизации, да и самой жизни. Акцент делается либо на силе, власти, подчинении, государстве и коммунальных сборах – либо на свободе, хотении, инициативе, достоинстве и индивидуальной ответственности.

На словах выбор сделан: свобода всегда лучше, чем несвобода. Это почти так (к лозунгам не придираются), но понимается по-разному. Все зависит от контекста, а контекст свободы надо прорабатывать по всей вертикали, сверху донизу: от ценностей, через все «тело» идеологии, далее в политику, институты, экономику, социальную сферу и даже в технологии. Высшие ценности проходят насквозь и замыкаются в самом «низу» модернизации: пока человек не станет главной ценностью инновационного мышления, наш хай-тек так и будет совершенствовать средства убийства пятого поколения и подковывать блох – то ли во славу начальства, то ли чтобы собирать их магнитом.

Модернизацию не сделать, не приходя в сознание, на лжи и самообмане, в дыму политического пиара. Страна сможет правильно пройти опасную развилку, только став взрослой – думающей, понимающей и рефлексивной, не поддающейся на обманки и вбитые в сознание «очевидности». И в этом смысле – философической. Тогда мы увидим истинный исторический размер предстоящей модернизации, ее полный состав и нужную глубину. Тема уперлась в ряд вопросов. Обновлять технологии, экономику – или также власть, политику, идеологию? Что нас спасет: авторитаризм или свобода? Кто враги обновления, и есть ли сторонники? Остались ли время и шанс на успех, чем обернется провал? Но пропущен вопрос прямой и жесткий: а как именно мы представляем себе старт модернизации? Что должно произойти, чтобы страна вдруг сказала: вот, модернизация началась, пробуксовка кончилась?

Контексты: мировой и исторический

Важно учесть: это не старт с места. Модернизация в РФ идет – как и во всем мире, втянутом в глобальный процесс. Технологии обновляют страну помимо усилий власти, часто – вопреки. С «железом» и оболочками меняются сознание и отношения. Это нагнетает скрытый конфликт между коснеющим режимом и спонтанно обновляющимся обществом (так погибли КПСС и СССР). А уже далее вопрос: окажемся ли мы в охвосте лидеров или начнем модернизацию делать, а не только потреблять. Это важно: лидерство дает власть над будущим (а значит, и над теми, кто в это будущее послушно идет за другими) и позволяет снимать монопольную ренту. Этот картельный стовор не остановят никакие международные антимонопольные меры. И все же первая задача для власти уже не в том, чтобы звать страну в будущее, а в том, чтобы самой запрыгнуть на платформу, на которой несутся вперед лидеры мирового развития и все увлекаемые ими общества, включая наше. Для власти в России это опять вопрос выживания.

Далее, запуская модернизацию, мы лишь пытаемся прервать очередную паузу. Все это этапы одного большого пути: 1990-е и конец 1980-х, «оттепель» и десталинизация, индустриализация и урбанизация и т. д., вплоть до великих императорских реформ. Надо устранять недоделки всех прежних попыток приведения к современности, компенсировать затяжные спячки. Однако символический старт модернизации уже состоялся. Интеллектуальная игра в «модернизацию» хорошо обязывает и уже стала началом идеологического разворота. Самой постановкой задачи сделаны два роковых признания: 1) страна отстала; 2) находится на пороге перемен, причем глубоких. Это в корне меняет тональность в оценках положения и перспектив. (Настроение в идеологии и политике важнее логики.) В начале было слово – и слово уже было.

С чего начинается модернизация?

Почти все, что делается сейчас «в интересах модернизации», ее реальным стартом счесть трудно. Таковым не станет даже наращивание мер по диверсификации, импортозамещению, поддержке

инноваций. Вопрос явно не количественный, необходимо новое качество. Поскольку модернизация – это прежде всего действие, ее началом не получится признать промежуточные результаты (даже если доля сырьевых продаж в ВВП и бюджете снизится до уровня 1990-х). Тем более не станут стартом обновления новые вливания в инкубаторы инновационных «распилов».

Вместе с тем все тут же признали бы началом модернизации активные действия власти в отношении – самой себя. Эта интуиция лишь подтвердила бы, что такие процессы начинаются не с экономики и технологий, а с институциональной среды. Сейчас модернизация в России – это прежде всего обновление государства. В глобализации вообще решает конкуренция институтов (а уже потом – товаров и технологий, мозгов и знаний). Но у нас на то и свой, особый, резон: это государство модернизацию не может не то что провести, а даже начать. Несогласные (с этим) должны понимать: если дело не в системе, то в личностях (что вряд ли обрадует личности и почитателей). Модернизация государства скоро станет трюизмом, но пока в отношении институтов нет ни действий, ни программы.

Модернизация модернизаторов

Идеи запуска модернизации через институты есть, но они своеобразны. Десятки проектов обновления, инициативно направляемых в вышестоящие инстанции, требуют создания спецоргана, министерства модернизации – под президентом, премьером, тандемом, но всегда с чрезвычайными полномочиями и с понятным кадровым составом, почти поименно. Тут не спасает даже мотив персонализации ответственности: за модернизацию по рангу отвечает дуумвират, и тиражировать субъектов отпущения нет смысла.

Серьезнее проекты национальной инновационной системы: кредитования, льгот, инвестиций, технопарков, технико-внедренческих зон и венчурных фондов, инструментов передачи и защиты прав на интеллектуальный продукт, коммерциализации результатов, координации фундаментальной и прикладной науки, НИОКР и образования. Знающие добавляют: вариативное прогнозирование и долгосрочное стратегическое планирование; на-

хождение ниши в мировом научно-техническом пространстве и рынке хай-тека; участие в глобальном перераспределении ренты от монополии на знание и ноу-хау; господдержка человеческого капитала; активная экономическая дипломатия. Это верно, но проблему снижает. Институциональная среда затрагивается здесь не выше среднего уровня: из модернизации выпадают «верхние» институты, от которых инновационная система зависит. Вопрос не в том, как инновационную систему создать, а в том, как изменить институты, которые ее должны создавать, но не создают или портят. Если там все знают, что создавать, но не создают, значит, эти институты надо не учить, что делать, а перестраивать.

Кроме того, в нынешней идеологии инновационная система именно создается – искусственно. Почему она без сверхусилий не возникает как естественное продолжение экономики и потребностей общества, практически не обсуждается (либо обсуждается в режиме, слишком щадящем систему). Куда важнее понять, чем гасится и куда сливается весь спонтанный напор креатива – инновационности, естественной для бизнеса и человека как вида. Если среда отторгает инновации, то надо начинать со среды: с инноваций начинать бесполезно.

Система торможения – «двигатель прогресса»

Пока все сводится к упованиям: что для старта модернизации государство должно сделать, что инновациям оно должно дать. Нет главного – чего государство не должно делать и брать, чтобы инновации появились, а модернизация началась. Бизнес, не покушающийся на госбюджет, взывает к власти об одном: не мешать! Стоит этот лозунг поднять до принципа, вас тут же обвинят в догматическом либерализме, снабдив импортными иллюстрациями возрастания роли государства. Но если где-то людям стало чуть зябко от свободы и они что-то легкое накинули, это не про нас. Мы выходим на забег мировой конкуренции в валенках и ватниках, в административных веригах; до спортивной формы нам еще разоблачаться целыми слоями.

Дело в сути коллапса: не в том, что государство не тянет модернизацию, а в том, что оно и есть главный тормоз. Оно губит инновации, которым господдержка не нужна, – избыточным ре-

гулированием, государственным рэкетом и откатами, всеядными монополиями, сговорами на тендерах, в которых выигрывают противогазы времен Зелинского и покоренья Крыма. Инновации вымирают даже там, где они есть; они убыточны, даже если потенциально выгодны. Система душит живое, прилагая титанические усилия по оживлению полумертвого и мертворожденного. **В сдерживании своих инновационных порывов власть осмотрительна.** Полномасштабное стимулирование инноваций не имеет смысла, пока экономика их отторгает, а вливания странно рассасываются. Тут финансовым властям для ограничения растрат скорее не хватает влияния. В инновации можно вкладываться деньгами и организацией, только если они и сами возникают. Тогда живое идет в рост. **К мертвому столбу новые ветки прививают только для имитации опыта.**

Задача – создать экономику, генерирующую инновации, а не генерировать их «вручную». Все начинается с демонтажа систем сдерживания. Пока к инновациям надо будет «принуждать», страна так и не уйдет от показательных проектов и рекламы гуталина на основе нанотехнологий. Инновации – естественное состояние человека и бизнеса. Если же бизнес это естество сам реализовать не может, значит, гомункулусы инноваций тоже придется встраивать в экономику вручную. Значит, в реальную жизнь они войдут с теми же врожденными пороками, исключая конкурентоспособность и честную рентабельность. И кормить их придется вечно, силиконовой грудью во всю сколковскую долину. Отдельные результаты могут даже впечатлить, но только это не модернизация. Имитация расслабляет, а потому хуже бездействия.

Хронический старт как вечный финиш

Однако даже если ориентироваться на запуск модернизации через реформу власти и институтов, проблема старта все равно останется. Такие реформы и раньше запускались и запускаются. Но их провалы лишь усугубляют положение. Силы торможения набирают уверенности, копят связи и ресурсы; сторонники обновления, наоборот, теряют интерес и запал, доверие даже к правильным инициативам власти, что много хуже. Провальные начи-

нения производят эффект деморализующий и демобилизующий. Растрачиваются вера и честные, идейные люди – главный потенциал модернизации всерьез.

С другой стороны, прежние провалы могли бы дать ценный опыт. В политике, как и в науке, отрицательный результат – тоже результат (если опыт осмыслить и учесть). Сейчас намечилось некоторое движение в сторону снижения административного прессинга. Что неплохо, но лишь в качестве точечных мер и политических сигналов. Эти меры страдают теми же пороками, что сначала обрели, а потом и вовсе свернули стратегию дерегулирования начала нулевых. Шаги делаются, но «одной ногой». Если эту поступь соотносить с путем, который предстоит пройти, пространство и время модернизации придется исчислять столетиями, если не световыми годами. Элементы реформ (административная, техрегулирования и т. п.) перезапускаются «с нуля», без уяснения причин былых провалов. А ведь ровно такие же начинания уже технично сливали и совсем недавно. В график такой безоглядной модернизации заложены вечные возвращения на старт. То есть – вечный финиш. Если преобразования в привычном режиме обречены, нужна метареформа – реформа самой системы реформирования. Начало изменения самих основ и институтов модернизации как раз и было бы воспринято обществом как реальный старт приведения России к современности.

Предстартовая готовность: отсчет времени

Для подготовки старта необходимо:

Признать императивы нашего положения, перестать думать и внушать, будто модернизация – лишь приятное дополнение к якобы уже «спасшей страну» стабилизации. Проработать черные сценарии провала модернизации (кризис и политическая реакция; частичная дезинтеграция; необратимая консервация отставания, падение в третий мир, утрата геостратегических позиций). Ориентироваться на такие сценарии даже при самой малой их вероятности (логика неприемлемого ущерба). Это даст тонус и ответственность.

Просчитать резерв времени до начала кризиса, а там и обвала сырьевой экономики, «заложившись» на самые сжатые варианты с учетом: а) риска неожиданных бифуркаций в технологиях,

экономике и геополитике; б) «трения покоя», инерции сознания и системы, потерь на противодействии. Признать, что мы уже в историческом цейтноте, в зоне принятия решений, что точки невозврата проходим сейчас, если уже не прошли. Приурочить к следующему президентству (не можем без формальных дат) внятный план запуска и стартового периода модернизации с целевыми установками, реперами и пошаговыми действиями («дорожные карты»).

Разработать «оконечные» критерии оценки результативности этих действий. Более не оценивать работу власти по затраченным ресурсам и телодвижениям (выделено средств, принято решений), даже по промежуточным результатам и отдельным эффектам. Оценивать процесс: а) по тому, насколько задача решается в целом и в срок; б) по критериям, не допускающим имитации (можно имитировать инновации, но не реальную конкурентоспособность). Связать эти критерии с целевыми установками (эффекты от сокращения объема документооборота, времени на принятие и оформление управленческих решений, от снижения административного прессинга и взяточности в рублях и у.е., устранения коррупционных схем, сокращения сроков допуска на рынок для продукции и деятельности и т. п.). Оценку пошаговых результатов сделать публичной, обеспечив открытость информации, общественный контроль и эффективную обратную связь.

Более нельзя делать вид и вести себя так, будто модернизация – это интересное приключение, политическая игрушка власти, а не последний выход из тупика, из дальнейшей деградации с очередным историческим срывом. Пора признать, что мы опять увязаем в собственной исторической лени – «по самые оси», как раньше вязли «по стремена». И начать работать уже не на идеологию, а на результат. Московская школа управления «Сколково» уже напоминает египетскую пирамиду. Модернизация не идет уже потому, что новая политическая модель не ясна, а старая может лишь имитировать процесс. Дефицит времени нарастает, интеллектуалы обмениваются репликами, власть делает вид, а изумленные народы не знают, что им предпринять.

Границы выбора

Главная развилка: опора на авторитаризм или на потенциал свободы? Аргументы обеих сторон исчерпаны, а сближения нет. По теории переговоров надо обрывать тупиковый раунд и заходить в тему заново. Например, с беседы о себе. Для начала: мы где? Мы в стране, Конституция которой начинается с декларации неизбежности демократических основ и высшего суверенитета народа как единственного источника власти. Что без каких-либо оговорок исключает автократию и даже авторитаризм. Подмена институтов и процедур защиты от прямой или скрытой узурпации власти – государственное преступление, тихий переворот. Итак: либо мы торжественно вписываем в Основной закон, что впредь до окончания модернизации в РФ власть в стране принадлежит не нам, а особо ценным, незаменимым, специально обученным и прямо поименованным авторитетам, которых уполномоченный по детям придумал называть лидерами нации, либо под протокол признаём, что авторитарная модель в любом случае антиконституционна. Без этого легальный предмет полемики отсутствует, а идеологов авторитаризма надо штрафовать.

Еще вопрос о свободе: мы когда? Завтра всё и сразу или же «ступенчато»? Разговор в предельных категориях (допускает ли российская наследственность свободу и демократию вообще) интересен, но прибывает к месту. «Обсуждение генетики – лучший способ остановить эволюцию» (А.Ксан). Сдвинуться с места надо сегодня, а для этого важны только зазор и тренд. Есть ли пространство для либерализации здесь и сейчас? В этом зазоре Россия может быть хоть сколько-нибудь более свободной и порядочной в политике? И куда в этой «проруби» мы движемся все последнее время? И почему, зачем? Власти не хватает власти, чтобы начать модернизацию? Или же именно избыточная концентрация влияния и контроля лишает власть стимулов и ответственности, государство – движения, общество – возможностей, страну – перспективы?

Далее важен полный размер маневра. Под какой потенциал страны, под какое будущее выбирается политическая модель? Если мы хотим страну передовую и суверенную, альтернатив свободе нет. Если же мы согласны на отсталый придаток, он может быть и автократическим. Не случайно технократические и автори-

тарные модели исходят из нашей фатальной неспособности к постиндустриальному (максимум – «новая индустриализация»). Но что в этом от модернизации, что в этой индустриализации нового, можно ли ее сделать этой политикой? И куда деть наш постиндустриальный потенциал, который в людях все еще есть и блестяще себя реализует в любой стране, но не в России. Они что: от дыма отечества заболевают на голову, а там резко умнеют? Почему там их хронически постигают большие творческие удачи, а здесь они так талантливо ввергаются лишь в моральные, организационные и финансовые мучения? И не важно, сколько таких осталось. Запросы именно этой, наиболее продвинутой, человеческой среды надо принять как политическую планку, подтягивая к ней остальное и остальных. Начальное условие реиндустриализации и постиндустриального развития общее: снятие административных пут и паразитарного балласта, одинаково мешающего творить новое или просто производить и конкурировать.

Любые «окончательные диагнозы» о нашей неспособности к постиндустриальному сейчас резко аморальны. Все это лишь частные допущения (хотя бы и очень вероятные), и строить на них стратегию безответственно. Пока остается намек на шанс, страна обязана сделать все, чтобы его не потерять. Даже если это прямо работает на одного, свободнее и лучше станет всем. Помимо значений слова имеют иллюкутивность – энергию и вектор воздействия. Заявления о том, что страна обречена, щеголяют «реализмом», а по сути, прямо призывают власть ничего не менять. Чем ниже планка амбиций, тем архаичнее политика, которую будут бетонировать. Нам это нужно?

Наказание свободой, или Несуверенная автократия

Прежде чем говорить о продуктивном авторитаризме, его еще надо иметь. Точнее, откуда-то взять. Говоря о неготовности России к свободе сейчас, подразумевают, что к несвободе она готова всегда. То, что страна к авторитаризму может быть готова еще меньше, чем к свободе, не обсуждается, хотя это даже не парадокс. Россия попала в зону исторических перевертышей. Если ей и были свойственны общинность, государственность, идеологичность и пр.,

то эпопея коммунистического строительства довела эти качества до гротеска, чем и убила. Это называется изживание через гипертрофию. Наше старое небрежение материальными благами стало в СССР стержнем идеологии, экономики, морали – теперь РФ страдает переизбытком и бессмысленным шопингом. Советский коллективизм достал всех и каждого – теперь всему социальному нампору учиться у «атомизированного» Запада. Если вчера идеология решала все, то теперь идеологическая работа уведена в тень, само это слово отнесено к идеологически несуществующему, из официоза изъято, а у людей вызывает непреодолимую оскотину.

Российское государственничество в XX в. тоже было надломлено перегрузкой. В сродке «партия–государство» партия осталась единственным самостоятельным организмом, который использовал органы власти лишь как управляемые протезы. Поэтому эмансипация государства от партии оказалась операцией не арифметической: после департизации остались не полноценные органы, а осиротевшие протезы, которые без привычного «Партбилет на стол!» работают плохо и чаще на себя. Более того, власть осталась вовсе без метафизических обоснований. Царь был от Бога, Партия от Научной Идеологии, даже ранний Ельцин – от еще не испорченной мечты о свободе и справедливости. Затем власть свободу и демократию технично обесценила, но и своей пародии на автократию не дала идейного фундамента и моральных связующих. Все (в том числе в вертикали) ощущают условную легитимность этой конструкции, что исключает кодекс служения. Лояльность еще есть, но обеспечена она только большим всероссийским кормлением: социальными подачками, покрытием злоупотреблений бюрократии, встречными «восходящими потоками».

Все это подрывает мифологию «сильной власти» и «эффективного государства». Способность терроризировать отдельных граждан, запугивая остальных, – еще не признак силы. Скорее, наоборот, это признак пугливости. Власть боится людей; она лишает их слова и дела из страха быть понятой и отставленной. Экспедиции ОМОНа через всю страну напоминают об Александре Македонском, носившемся со своим войском из конца в конец необъятной империи, второпях подавляя беспорядочные волнения. Чем кончилось, известно: так империи не собирают, даже распилом нефтяной ренты.

Наказание свободой

Свобода это ценность – для либералов. Для сильных, независимых, творческих, ответственных и веселых. Для других это нечто необязательное, для многих и вовсе беда, проклятье. Эти свободу легко предают, разменивают и закладывают, боятся и бегут от нее. Для либералов свобода определяет смысл и стиль жизни. Но когда в общенациональных дискуссиях с этих позиций обращаются к носителям других, нелиберальных, ценностей, разговор заранее обречен: перестают слышать. Когда говорят: «Давайте веселиться!» – веселье, как правило, прекращается. Поэтому в дискуссии о моделях модернизации лучше подходить к вопросу безоценочно, опираясь на голую прагматику, которая (хотя бы теоретически) может быть понята оппонентами. В этом смысле к свалившейся на нас свободе (в том виде, в каком это случилось) вовсе необязательно относиться как к большой и всеобщей радости. Скорее это историческое наказание. Свобода от незаполненности. С той властью и с тем государством, какие есть и будут в обозримое время, Россия к эффективной несвободе не готова вовсе. Население будет в узде, только пока его не отдирают от кормушки. Об эффективности власти в решении важных стратегических задач говорить и вовсе не приходится: здесь всю гуляет негативная свобода средней и низовой бюрократии – от попустительства и неспособности руководства добиться от вертикали чего-либо, идущего вразрез с ее (вертикали) шкурными интересами (без чего модернизация невозможна).

Наша вертикаль транслирует не столько подчинение верху, сколько произвол вниз, причем это «вниз» направлено более в стороны, не на аппаратные слои, а на обесправленное население. Вертикаль относится к верхам со здоровой иронией и легко ими манипулирует, особенно когда дело касается институциональных реформ, которые аппарат душил в зародыше, выводя на имитацию и контрреформу. Эта аппаратная «свобода» – уже чистое наказание и приговор любым телодвижениям в сторону модернизации.

Свобода на баррикадах и в мирных целях

Беда нашего либерализма в том, что либералов с испугу отодвинули от власти на лишнее расстояние. Кого еще так технично подавил наш авторитаризм, зачищая политическое поле? Прежде всего наших правых, политически слабых и теоретически беззащитных, раздробленных фанабериями и организационно неумелых. И не зря. Пока доминирует политика прикармливания (лояльность в обмен на массовые подачки), все левые и центристы против власти ничто: агитаторы за раздачу бессильны против реально раздающих. А вот правые, будь у них лучше с тем, что решает все, могли бы собрать всех, кого раздачи не соблазняют или не касаются. В нашей политической топологии это единственная пристойная альтернатива режиму. В политическом ландшафте эту поляну надо было зачистить, чтобы власти было где блистать политической респектабельностью и прогрессизмом. Приятно, когда другие президенты считают тебя самой цивилизованной инстанцией в непредсказуемой и все еще пугающей России.

Но есть и вина либералов. Свободу они поняли как свободу для себя, сугубо политически. Либералы борются за права, но за свои: за право быть избранными, показываться в телевизоре и общаться с гостями в составе истеблишмента. Кто защищает права остальных перед лицом всепроникающей властной мегамашины и вечно голодного бизнеса на административных функциях? Такие бывают, но скорее в самой власти – в лице дерегуляторов и инициаторов отдельных институциональных реформ.

У нас все еще видят свободу по Делакруа и Рюду: в боевом колпаке, с полуобнаженной грудью и в окружении подростков с красиво дымящимися пистолетами. От вечной несвободы свобода сама впитывает военно-революционный дух. Отсюда и мифология разноцветных угроз, начиная с оранжевых. Но правильный либерализм – это философия мирных бургеров, самодостаточных обывателей. Защищая приватные пространства, она отодвигает власть от человека прежде всего в повседневной жизни. Либерализм, не опускающийся до локальных отношений, ущербен, а главное, не интересен нормальным, безыдейным людям. Хотя право жить вне политики и идеологий – это и есть одна из главных ценностей либерализма. В этом смысле неосмысленны-

ми либералами являются все нормальные люди. И все цивилизованные общества, в которых главной мерой наказания является лишение свободы (а не публичные экзекуции или отрубание рук и голов). Но чтобы освоить этот социальный потенциал свободы, надо кое-что другое знать, уметь и делать.

Именно эти пространства свободы могут оказаться одновременно и стартовыми, и целевыми точками модернизации. Эта свобода нужна, чтобы люди могли заниматься делом, а не отмахиваться постоянно от административных приставаний. Она необходима, чтобы бизнес начал выхватывать полусырые инновации из рук мечтательных изобретателей, а не скисал от одной только мысли про согласование внедрений и конкуренцию с «дочками» власти. Без этой свободы разговор о восстановлении производства в России можно не начинать.

Но эта же неполитическая правозащита (дополняющая правозащиту в политике) может стать точкой соприкосновения инициаторов модернизации с измученными низовой бюрократией массами, пунктом взаимодействия зачатков политической воли с остатками общественного актива. Такой либерализм первичен. Если бы власть не унижала и не обирала людей в их повседневной жизни, свобода в большой политике была бы интересом лишь особо озабоченных положением и властью.

Но так не бывает. Поэтому либо власть начнет либеральные преобразования от политического верха до обывательского низа, либо модернизации не будет, а там – и самой этой власти.